

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-73-84>

Жизненные циклы суффикса *-ость* в русском языке (перечитывая Н. М. Шанского)

Александр Васильевич Зеленин

aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Аннотация. В статье суммируются основные положения кандидатской диссертации Н. М. Шанского, инициировавшей целый ряд историко-лексикологических и синхронно-языковых исследований. Приводятся аргументы и примеры, показывающие развитие идей ученого на лексическом материале XIX в. (концепция «семантических центров» при заполнении важных социокультурных лакун, например: вовлечение в разработку концепта «Социальная среда» круга лексем на основе формирования у них актуальных коннотативных компонентов: *казарменность* – *салонность* – *кабинетность* – *берложность* – *келейность*). Среднестатистическое (относительное) количество дериватов на *-ость* в современном языке составляет 3 500–4 000 единиц. Рассматриваются лексико-словообразовательные инновации, расширяющие поле производящих основ (иноязычная лексика, кальки и полукальки, разговорно-сниженная лексика), анализируются механизмы взаимодействия формального и семантического критериев с нарастанием последнего, способствующего устранению прежних морфологических ограничений (образование от относительных прилагательных на *-ский*). Внутри словообразовательной модели на *-ость* актуализировались возможности образования слов с двойным суффиксом *-ость*–: один – в производящей основе, другой – в производной: *скоростность*, *личностность*. Обосновывается хронологический диссонанс в образовании отаффиктивных существительных на *-скость* в русском языке Зарубежья с опережением на полвека от времени появления таких дериватов в русском языке метрополии. Модель на *-скость* расширяет номинативное поле за счет включения отфамильных производных (*достоевскость*, *чеховскость*, *сталинскость*, *хрущевскость* и др.). Семантико-мотивационным стимулом служит «семантическое приращение», сформированное в относительных прилагательных вследствие мощной прагматической коннотации отдельных прецедентных фамилий. Таким образом, производные на *-ость* в современном языке показывают широкие возможности развития как на базе внутриязыковых потенций, так и в результате иноязычного влияния. Методы исследования: критико-аналитический, конструктивно-синтетический, дефиниционный, метод разграничения синхронного и диахронного словообразовательного среза, метод множественной мотивации, метод анализа узуальных и окказиональных слов.

Ключевые слова: старославянский язык, современный русский язык, статистика, конкуренция суффиксов, язык русской эмиграции, детский язык, язык художественной литературы, неологизмы, окказионализмы, суффикс *-ость*–

Для цитирования: Зеленин А. В. Жизненные циклы суффикса *-ость* в русском языке (перечитывая Н. М. Шанского) // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 6. С. 73–84. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-73-84>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The life cycles of the suffix *-ost'* in Russian (rereading N. M. Shansky)

Aleksandr V. Zelenin

aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Abstract. The research summarises the general framework of N. M. Shansky's PhD thesis which initiated a range of historical lexicological and synchronic linguistic studies. The paper provides arguments and examples showing the development of the scientist's ideas on the lexical material of the 19th century. An example is N. M. Shansky's concept of "semantic centres" in the process of filling in important socio-cultural lacunae. Involving a range of lexemes in structuring the concept "Social Environment" through the formation of relevant connotative components in them (*kazarmennost'* – *salonnost'* – *kabinetnost'* – *berlozhnost'* – *keleinnost'* / Engl. *barrackness* – *salonness* – *cabinetness* or *officeness* – *denness* – *secrecy*)

provides a good illustration of the scientist's idea. The average (relative) number of derivatives with *-ost'* in the modern language is 3 500 – 4 000 lexemes. The paper examines the lexical and word-formation innovations that expand the field of derivational bases (foreign vocabulary, calques or loan translations, and semi-calques as well as low colloquial vocabulary). Additionally, the study analyses the mechanisms of interaction between the formal and the semantic criteria with the supremacy of the latter as it contributes to the removal of the previous morphonological limitations (derivation from relative adjectives ending in *-skiy*). Deriving lexemes with the double *-ost'* suffix has become possible within the word-formation pattern ending in *-ost'*: one suffix is in the derivational base, the other – in the stem of the derived word (*skorostnost'*, *lichnostnost'* / Engl. *high-speedness*, *personhood*). The paper also outlines the chronological dissonance in the formation of adjectival nouns ending in *-skost'* in Russian abroad half a century ahead of the time they appeared in the language of the metropole. The *-skost'* pattern expands the nominative field by means of including surname derivatives (*dostoevskost'*, *chekhovskost'*, *stalinskost'*, *khushchevskost'*, and others). The semantic-motivational stimulus is the "semantic increment" formed in relative adjectives due to the strong pragmatic connotation of particular precedent surnames. Thus, lexemes with the derivational suffix *-ost'* in the modern language show ample opportunities for development both on the basis of intralingual potentials and as a result of foreign language influence. The research employed critical-analytical, constructive-synthetic methods, definitional analysis, the method of distinguishing between synchronic and diachronic word-formation, multiple motivation, the method of analysing usual and occasional words.

Keywords: Old Church Slavonic, modern Russian, statistics, suffix competition, Russian emigration language, children's language, language of fiction, neologisms, occasionalisms, suffix *-ost'*

For citation: Zelenin A. V. The life cycles of the suffix *-ost'* in Russian (rereading N. M. Shansky). *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2022;83(6):73–84. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-6-73-84>.

Введение. В 1948 г. Н. М. Шанский защитил кандидатскую диссертацию на тему «Из истории имен существительных на *-ость* в русском языке»¹. Фрагменты научного исследования, особенно касающиеся истории отдельных слов (*общественность*, *партийность*, *огромность*, *плотность*, *склонность*, *способность*, *талантливость*, *человечность* и др.), позже были опубликованы в статье «К истории некоторых слов на *-ость*» [Шанский 1949]. Основные положения диссертации нашли отражение в его работе «О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке» [Шанский 1959].

В диссертационном исследовании Н. М. Шанский поставил задачу изучить «проблемы формирования имен на *-ость* в русском литературном языке как целостной семантико-грамматической категории» [Шанский 1948: 123] (курсив наш. — А. З.), им был проанализирован большой лексический материал, взятый из письменных памятников, диалектной и народно-разговорной речи. Молодой ученый усомнился в утверждении акад. С. П. Обнорского, что дериваты со значением абстрактности на *-ость*, во-первых, являются «искусственными образованиями»², во-вторых, чужды народному

языку (в этом Обнорский, по сути, повторил мысль В. И. Даля³), который преимущественно использует слова с суффиксами *-от(а)*, *-ин(а)* или с нулевым суффиксом [Обнорский 2010: 80]. Говоря об активизации лексем на *-ость* в языке XVIII в., В. В. Виноградов писал: «Особенно труден и запутан вопрос о новообразованиях русского языка, содержащих морфемы церковнославянского происхождения типа *будущность*, *современность*, *общественность* и т. п.» [Виноградов 1978: 245]. Ф. П. Филин называл такие дериваты церковнорусизмами, созданными на русской почве по церковнославянскому образцу [Филин 1981: 26] (этот термин использовал также В. В. Виноградов, в наше время им пользуются А. М. Камчатнов, Д. Г. Демидов и др.).

Н. М. Шанский показал (со ссылкой на свидетельства других исследователей), что слова на *-ость* являются не старославянскими, а общеславянскими и, глубже, праславянскими, следовательно, их нельзя оценивать только как старославянизмы на русской почве; ср.: рус. *милость*, укр. *милість*, блр. *міласць*; рус. *храбрость*, укр. *хоробрість*; рус. *веселость*, блр. *вясёласць*;

¹ Шанский Н. М. Из истории имен существительных на *-ость* в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. 412 с.

² Такого же мнения придерживался известный славист А. Вайан.

³ «[М]ы упорно захотим ломать все отвлеченные существительные в окончание на *ость* и *вость* — окончание, которое в народном языке довольно редко, употребляется только ксэти и чаще заменяется короткими и более выразительными словами...» [Даль 1842: 542].

рус. *хитрость*, чеш. *chytrost*; рус. *слабость*, словац. *slabost*; рус. *гордость*, сербск. *hor-dost*; рус. *возможность*, укр. *можливість*, *спроможність*, блр. *магчымасць* и др.

В XVIII в. суффикс *-ость* для обозначения имен со значением абстрактного качества «выдвигается на положение *монопольного* (курсив наш. — А. З.) продуктивного словопроизводственного элемента, оттесняя всё более остальные, действующие в том же словообразовательном поле суффиксы на задний план» [Шанский 1959: 128–129]. По мнению Н. М. Шанского, своей продуктивностью в русском литературном языке этот суффикс в первую очередь «обязан литературному языку Юго-Западной Руси» [Шанский 1959: 131]. Это утверждение ученого затем было документировано Г. Хютль Ворт: «В западнорусских псалтырях встречается значительно больше слов на *-ость*, чем в церковнославянских псалтырях русской редакции 11-го в.» [Хютль Ворт 1968: 168].

Развитие словообразовательной системы русского языка было обусловлено номинативными потребностями (необходимость обозначения новых понятий), поиском наиболее лексически и семантически точных обозначений, ярко проявившимся стремлением к выражению языковых вкусов авторов. В указанных исследованиях Н. М. Шанского комплексно рассмотрено сочетание лингвистических причин: внешних (влияние юго-западной книжности) и внутренних (функциональные, структурные, семантические, стилистические критерии).

Вышеназванные работы Н. М. Шанского уже давно стали классикой в исторической лексикологии. «Привлечение богатого фактического материала (в том числе диалектного), широта взглядов и убедительность суждений делают эту работу не только актуальной вплоть до настоящего времени, но и позволяють считать ее практически единственным целостным исследованием имен существительных с суффиксом *-ость*»⁴.

⁴ Баяндина Н. А. К истории имен существительных с суффиксом *-ость* в русском литературном языке XVIII — первой четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/k-istorii-imen-sushchestvitelnykh-s-suffiksom-ost-v-russkom-literaturnom-yazyke-xviii-pervoi> (дата обращения: 10.01.2022).

Настоящая статья является попыткой представить развитие, конкретизацию и детализацию идей, высказанных Н. М. Шанским, систематизировать существующие количественные замеры дериватов на *-ость* в разные исторические эпохи, показать расширение исследовательского поля, опираясь на изыскания, появившиеся после выхода указанных работ ученого, и привлекая современный языковой материал.

Методы исследования: критико-аналитический, конструктивно-синтетический, дефиниционный, метод разграничения синхронного и диахронного словообразовательного среза, метод множественной мотивации, метод анализа узуальных и окказиональных слов.

Материал исследования: лексика с суффиксом *-ость* в диахронической и синхронической перспективе русского языка, извлеченная из работ других исследователей и собранная автором статьи.

Статистические данные. Хотя примерное (или даже с достаточно большой долей точности) количество слов на *-ость* в русском языке определить практически невозможно вследствие огромного количества неологизмов и окказионализмов, использовавшихся в языке на протяжении того или иного временного отрезка, но затем бесследно исчезавших, тем не менее существуют некоторые подсчеты, показывающие относительное количество дериватов на *-ость* в их письменной фиксации в текстах разного времени.

Исследуя древнеболгарские рукописи X–XI вв., Р. М. Цейтлин установила количество слов на *-ость*: 51 лексема, причем каждое пятое слово с формантом *-ость* встречается «в старославянских евангелиях, т. е. значительно чаще, чем в ряде других производных существительных со... значениями отвлеченности» [Цейтлин 1977: 169]. Автор полемизирует с К. Шуманном, преувеличивавшим калькированный характер слов на *-ость* (из греческого) в старославянском [Schumann 1958]. По данным Цейтлин, 50 слов используются в евангелиях в отвлеченном значении и мотивированы именами прилагательными, только одно слово — *острость* — употреблено в конкретном значении. Встречаются слова с очень высокой частотностью: *крепость* (46 употреблений), *кротость* (37), *милость* (215), *мудрость* (39),

премудрость (45), *радость* (155), *ярость* (50)⁵. Перечисленные лексемы явно обнаруживают свою лексико-семантическую прикреплённость к сфере богословия и религиозных чувств. Для старославянского уже была характерна вариативность: *сласть* — *сладость*, *острие* — *острость* [Цейтлин 1977: 169]. Количественные пропорции и предпочтительность одних вариантов другим трудно проследить, но Р. М. Цейтлин делает важный методологический вывод: «*Продуктивность модели слова и степень употребительности* (курсив наш. — А. З.) отдельных лексем, ее составляющих, могут не совпадать» [Там же: 183].

В древнерусском языке, по данным Э. М. Ножкиной, насчитывалось около 150 слов на *-ость*, образование таких дериватов не было активным, но к XVIII в. усилилась продуктивность этого суффикса при образовании имен существительных (обычно мотивированных именами прилагательными) для выражения отвлеченного значения качества, свойства под влиянием юго-западной книжности, а также в результате заимствования в XVII в. из польского языка ряда слов с суф. *-ość*. Соотношение продуктивности близкозначных суффиксов *-ств(о)* и *-ость* все больше менялось в сторону активности суффикса *-ость*⁶; ср. другие приводимые цифры: в «Словаре древнерусского языка» И. И. Срезневского — немногим более 100 лексем на *-ость* [Index 1968: 291–292] или даже 139 единиц [Филин 1981: 42].

В языке XVIII в. максимальное количество отвлеченных существительных дали именно слова на *-ость*. Н. М. Шанский, исследуя лексикон «Словаря Академии Российской» (САР), насчитал около 1000 новообразований [Шанский 1959: 128]. Следует, однако, учитывать, что «благодаря легкости образования слов на *-ость* они приводятся в словарях подчас в тех случаях, когда это не соответствует реальному употреблению или даже вообще наличию слов в языке данного времени» [Веселитский 1972: 81]. Авторское

словопроизводство в XVIII в. может поражать: например, А. Н. Радищев использовал 450 слов на *-ость*, из них 80, очевидно, являются авторскими, индивидуальными, поскольку в других текстах того же времени они отсутствуют. Причина этого ясна — попытка передачи отвлеченно-интеллектуального содержания, ср. некоторые производные: *безвещественность*, *бездеятельность*, *беззащитность*, *безвредность*, *беспредельность*, *быстротечность*, *достаточность*, *завистливость*, *малоизвестность*, *малоопытность*, *могущественность*, *мощность*, *мысленность*, *нахмуренность*, *непреложность*, *нерешительность*, *несвойственность*, *осязательность*, *первобытность*, *плодоносность*, *повсеместность*, *подражательность*, *постепенность*, *прелестность*, *притяжательность*, *раздраженность*, *раздражительность*, *расширенность*, *смертоносность*, *соединенность*, *убедительность* и др. [Алексеев 2013: 320–321]. Многие из них в наше время стали узуальными лексемами.

В языке XVIII в. сохранялось преимущественное отадъективное образование слов на *-ость* от русских основ, однако языковая и коммуникативная потребность и необходимость передачи иноязычных понятий, хлынувших в русский язык из европейских языков, расширили лексико-семантическую сферу мотивирующих слов. Так, стало возможным образование дериватов на *-ость* от иноязычных основ, хотя этот процесс протекал противоречиво и нестабильно. Тем не менее в текстах XVIII в. исследователи фиксируют слова, произведенные от иноязычной основы, что составляет около 2% от всех новообразований на *-ость*, причем заметна и спецификация неологизмов — от основ прилагательных с суффиксом *-н-* [Мальцева 1972: 17]. В XIX в. авторы уже свободно используют иноязычные основы для производства новой лексики (см. неологизмы в текстах Н. С. Лескова: *интеллигентность*, *интимность*, *портиативность*, *вульгарность*, *резонность*, *тенденциозность*, *претенциозность*, *цензурность*, *фривольность* и др. [Захарова 2021: 43]).

По свидетельству Ю. С. Сорокина, в XIX в. «более одной трети» (курсив наш. — А. З.) существительных» [Сорокин 1965: 188], зафиксированных и в современных словарях, ведут свое происхождение с 30–40-х гг. XIX в. или уже становятся узуальными, обычными, широко употребляемыми к тому времени.

⁵ Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков): ок. 10 000 слов / под ред. Р. М. Цейтлина и др. М.: Русский язык, 1994. 842 с. (СС).

⁶ Ножкина Э. М. К истории образования имен существительных с суффиксами *-ость* и *-ство* в русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1962. 22 с.

Дальнейшие подсчеты относятся к современному состоянию русского языка. Исследуя существительные со значением отвлеченного качества в современном русском языке, Е. В. Лукичева-Наврость называет цифру 3619 слов, извлеченных исследователем из разных источников [Лукичева-Наврость 2005]. В эту группу входят как одноосновные, так и двухосновные лексемы.

Страницы Википедии, посвященные электронному представлению слов на *-ость* (раздел «Русские слова с суффиксом *-ость*»⁷; «Русские слова с суффиксом *-есть*»⁸), насчитывают 3261 лексему с суффиксом *-ость* и 41 лексему с суффиксальным вариантом *-есть*, всего — 3302 лексемы. В этом корпусе представлены производные различного стилистического ранга — от специальной терминологии до грубых вульгаризмов и общенизмов; поэтическая неология и окказионализмы на *-ость* не учитываются.

В «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой⁹ приведено 3465 слов с суффиксом *-ость*, причем 3114 не имеют самостоятельного толкования, а даются в качестве производных. Только 351 слово получило полноценное лексикографическое описание (как начальная вокабула), но даже из них 179

лексем в лексической (толкуемой) части имеют отсылочное указание к производящей основе [Шучунь 2020].

Таким образом, представленная краткая статистическая характеристика количества производных слов на *-ость* на протяжении тысячелетней книжной истории показывает многократное увеличение таких дериватов, зафиксированных в письменной форме. В современном узусе на основании приведенных расчетов можно предполагать использование примерного количества лексем на *-ость/-есть* — 3500–4000 лексических единиц¹⁰; узкие профессионализмы, окказионализмы, многочисленные модельные дериваты, потенциализмы из этого количества исключены.

Развитие идей Н. М. Шанского

в историко-лексикологическом аспекте

1. Лексико-словообразовательная разработка актуального концепта

Активизация той или иной словообразовательной модели в языке призвана восполнить лексические лакуны, возникшие в ту или иную эпоху. Н. М. Шанский, фиксируя активное пополнение лексики на *-ость* именно как «семантико-грамматической категории», вплотную подошел к концепции о смысловых, или семантических, центрах: появление слов, образованных по модели, затрагивает всю лексико-семантическую группу и активизирует словопроизводство, которое опосредованно отражает языковую потребность в наименовании явлений внеязыковой действительности. Ю. С. Сорокин, изучая развитие русского лексикона в XIX в. на огромном лексическом материале и используя идею М. Бреалья о «семантическом заражении» (*la contagion sémantique, la contagion du sens*) [Bréal 2005 (1897)], убедительно доказал тесную взаимосвязь формального и семантического словообразования, в том числе и на примере дериватов на *-ость*, обратив особое внимание на семантически мотивированные способы деривации. Механизм «семантического заражения» можно проиллюстрировать таким примером: лексемы, объединенные в одну лексико-семантическую

⁷ https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%81%D1%81%D1%83%D1%84%D1%84%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BC_%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 01.02.2022).

⁸ https://ru.wiktionary.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F:%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5_%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D1%81_%D1%81%D1%83%D1%84%D1%84%D0%B8%D0%BA%D1%81%D0%BE%D0%BC_%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 01.02.2022).

⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. Москва: Азбуковник, 2011. 1175 с.

¹⁰ По мнению Ф. П. Филина, «в современном общеупотребительном литературном языке их около четырех с половиной тысяч» [Филин 1981: 42].

группу, испытывают одинаково сильное воздействие словообразовательной модели, демонстрируя общность мотивационных отношений. Социокультурное понятие «среда» (обстоятельства формирования личности в социуме) — один из характерных и значимых концептов литературы, культуры, социальной жизни всего XIX в. Концепт включал в свой смысловой объем слова, называющие повседневное, профессиональное, культурное, развлекательное пространство, совокупно характеризующее образ жизни, поведения человека той эпохи. Смыслорождающим центром выступило понятие «место пребывания/обитания», реализуемое рядом лексем [Сорокин 1965; Калиновская 2013]. Очевидно, именно этим лингвокогнитивным механизмом можно объяснить создание новообразований, где мотивационной базой служили имена существительные, обладавшие мощным прагматическим потенциалом, значимостью, яркой оценочностью в языковом и культурном сознании эпохи: *казармность*, *казарменность* (< *казарма*, мотивирующий признак 'образ, тип мышления, поведения, свойственный проживанию в казарме'; встречается у М. Лермонтова); *кабинетность* (< *кабинет*; на основе прагматического компонента значения 'то, что рождается в кабинете (далекое, оторванное от жизни, умозрительное)'; Н. С. Толстой, Н. Бубнов, С. А. Юрьев); *келейность* (< *келья*; смысловой мотивирующий признак 'то, что происходит в келье (скрытое, таинственное, секретное)'; Е. Л. Львова, Е. И. Утин); *салонность* (< *салон*; мотивирующий признак 'место, характеризующееся показной манерностью'; И. С. Тургенев, В. Г. Костомаров); *берложность* (< *берлога*; мотивирующий признак 'обособленное, обособившееся, замкнутое место'; В. И. Даль, А. И. Герцен). Таким образом, актуализация той или иной лексемы в группе слов «семантического центра», находящегося в зоне повышенного социального внимания, может быть легко вербализована и будет отвечать языковой потребности социума, создавая в языке квазисинонимический ряд. Это важный лингвокультурологический аспект: дериваты на *-ость* выступают «как носители определенного “кода”, который заключен

в производящей основе каждого из них (*берлога — келья — казарма — кабинет — салон*)»¹¹.

2. Динамика конкурентности суффиксов *-ость/-изм*

Иноязычный суффикс *-изм-* (вариант *-исм-*), все прочнее входивший в словообразовательный репертуар уже с Петровской эпохи, в XIX в. (отчасти в силу французского и немецкого влияния [Worth 1963: 41, 49, 60; Сорокин 1965: 263]) вступил в конкуренцию с суффиксом *-ость-* в словах, образованных от одной и той же основы: *абсолютизм — абсолютность*, *консерватизм — консервативность*, *натурализм — натуральность*, *практицизм — практичность*, *провинциализм — провинциальность*, *прогрессизм — прогрессивность*, *рационализм — рациональность*, *реализм — реальность*, *социализм — социальность*, *цинизм — циничность*, *эклектизм — эклектичность* и т. п. [Сорокин 1965: 196]. Эта синонимичность суффиксов постепенно преодолевалась семантической специализацией их лексикограмматических значений: суффикс *-изм-* сузил сферу своего функционирования, перейдя в класс суффиксов для производства терминов, обозначения различных политических, научных направлений, систем, методов, суффикс *-ость-* сохранил значение 'выражение отвлеченного качества, свойства'; ср.: «Гуманизм — это общественное движение или направление в культурной жизни общества, это социальная и этическая категория, а гуманность — это моральное свойство лица или социальной группы» [Радбиль 2010: 53]. По наблюдениям неологов, в современном русском языке заметна очевидная тенденция: дериваты на *-изм* становятся менее употребительны, причем их частотность резко снижается в последние десятилетия. Например, подсчет частотности слов на *-изм* и *-ость* в базе данных Интегрум свидетельствует о такой пропорции: «...сотни против тысяч, тысячи против десятков тысяч в пользу слов на *-ость*» [Левина 2016: 108].

¹¹ Калиновская В. Н. Отвлеченная лексика в составе «Словаря русского языка XIX века»: эти неформальные «формальные» слова [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruslang.ru/doc/kalinovskaja2013.pdf> (дата обращения: 01.02.2022).

Аспекты изучения производных на *-ость* в современном языке

В этой части анализа актуальной лексики на *-ость* в современном русском языке мы прокомментируем инновации, которые демонстрируют важные сдвиги в узусе, наблюдающиеся в сфере лексики с указанной финальностью.

1. Пополнение дериватов на *-ость* во множественном числе

Несомненное влияние оказывают иностранные языки (в первую очередь английский как язык-донор), откуда заимствуются лексемы в форме множественного числа, прежде отсутствовавшие в русском. Процесс такого заимствования характерен для подавляющего большинства развитых языков, свидетельствуя об унификации и стандартизации лексики в разных областях: техника, общественно-политическая жизнь, медийная коммуникация, сфера быта (хобби, туризм, психология отношений и т. д.). Ср. примеры из современного русского языка и их английские эквиваленты: *объективные реальности нынешнего времени* — *objective realities of the day*; *реальности сегодняшнего мира* — *realities of the present-day world*; *все предшествующие договоренности* — *all prior agreements* (ср. рус. существительное, допускающее форму множественного числа: *соглашения*); *экологические вредности* — *environmental exposures, contaminants, toxic matters*; *абстрактности, отвлеченности* — *abstractnesses* и т. д. Таким образом, за этим грамматическим фактом скрывается укрепляющаяся инновация в словообразовании русского языка: в появлении форм множественного числа у абстрактных имен следует видеть «словообразовательную, деривационную функцию числовой парадигмы», где «данном значением наделена флексия» [Горшкова 1978: 9]. Аналогичная мысль уже высказывалась ранее В. В. Виноградовым о связи формо- и словообразования: «При превращении форм слов в слова — словообразование осуществляется средствами словоизменения, которые в русском языке одновременно приобретают функцию и словообразовательных суффиксов» [Виноградов 1975: 180].

2. Активность вторичных производных («двойной» суффикс *-ость*–)

Следует отметить словопроизводство дериватов на *-ость* (через стадию относительных прилагательных) со вторым суффиксом

-ость–. В создании таких слов русский язык прошел три «волны». Первая волна появилась еще в конце XVIII–XIX вв., когда возникли лексемы с «двойным» суффиксом *-ость*–: *дерзостьность*, *мерзостьность*, *накостьность*, *радостьность*, *злостьность*, *жалостьность*. Среди них много лексикосемантических калек: *Какая поверхностьность и сколько сбивчивости, противоречий и ложности в этих немногих строках!* (В. Белинский; нем. *Oberflächlichkeit*); *Тождество и личностьность души (Identität und Persönlichkeit) суть для Платнера объективные истины* (Е. Бобров). Их тематика и семантика связаны с научно-философской сферой, психологией; в XIX в. основным источником пополнения такой лексики в русском был немецкий.

Вторая волна приходится на 1920–1930-е гг., когда в качестве мотивирующих основ выступает техническая лексика. Ср., например, возникшее еще в 1930-е гг. слово *скоростность* (*скорость* > *скоростной* > *скоростность*) в технической, военной сферах и перенесенное в публицистический стиль: *...скоростность средств связи необходимо довести до максимума. Вопрос об автоматической телефонии у нас должен быть поставлен как генеральная задача* (Плановое хозяйство. 1930. № 4. С. 50); *...сами танки неизбежно всегда будут делиться на тяжелые (с ударением на мощность орудия и брони) и быстроходные (с ударением на скоростность)* (Знамя. 1945. № 2. С. 194). В таких случаях суффикс *-ость*– в отаждективном существительном второго шага несет значение «степень, величина скорости работы механизма, машины», выступая характеристикой технических параметров (в сопоставлении с другими схожими устройствами или режимами работы); имплицитно присутствует сема «высокий, большой, интенсивный».

Третья волна связана с переосмыслением значений прежних технических номинаций в художественном, публицистическом стилях. Ср.: на рубеже 1960–1970-х гг. указанное слово семантически (метонимически) трансформируется, приобретая значение «высокая интенсивность, производительность работы»: *Ну, а дальше? — спрашивала себя Щенеткова. — Что получишь за эту скоростность? Знамя с махрами? Так мы и у себя его имели. Вдобавок*

имели виноград, вино, рыбу, птицу, яблоко... (В. Фоменко). Накапливание в течение длительного времени в русском словообразовании дериватов с «двойным» суффиксом *-ость* в разных жанрах и стилях (преимущественно книжных) укрепляло модель и облегчило рост аналогичных производных в последние десятилетия в сфере научного, медийного дискурса: *новостность, личностность*: *Обозначенные характеристики исследуемого медиатекста — «телевизионность» и «новостность» — позволяют по-новому взглянуть на знаковую природу новостного сюжета*¹². Слово *личностность* было заимствовано вторично, на этот раз уже как калька англ. *personhood* 'личные черты человека, индивидуальность, персональность': *То же и «личностность», которую мы рассматриваем как погруженность «Я» индивидуума в круг бытия другого индивидуума...* (В. Петровский). Эти термины представляют собой не просто синтаксические дериваты, формально созданные от производящих основ прилагательных, но включают в себя добавочное семантическое «приращение» (качественную оценку, степень признака); давно отмечено, что существительные типа *влажность, скорость* «по смыслу шире, чем однокоренные прилагательные» [Земская 2011: 258].

3. Активность производных на *-ость* в социально-медийном дискурсе

В сфере публицистического стиля языка (скорее его можно назвать активно формирующимся медийным стилем, где все более активную роль играют социальные медиа, мессенджеры, блоги, влоги) рост дериватов на *-ость* при обсуждении широкого спектра тем (от политики, экономики до повседневной, бытовой жизни) очень заметен. Это могут быть как слова, которые транслируются в общее употребление из сферы профессионального общения (*финансовость, формальность, демпинговость, офисность*), так и слова, которые мгновенно распространяются в электронно-опосредованной коммуникации, оставаясь неологизмами или даже входя в узус¹³: *креативность,*

бессобытийность, фастфудность, секундность, вживаемость, гламурность, кликабельность и др.: *уставшие от бессобытийности биржевики* (Коммерсантъ-Daily. 1993. 30 апр.); *Еще одним контраргументом противников нового налога является неопределенность критериев, по которым определяется степень «фастфудности» подаваемой пищи* (Время новостей. 2005. 11 мая). Основы производящих слов позволяют легко создавать бесшовные новообразования без видимых морфонологических затруднений. Десятки производных на *-ость* (преимущественно двухосновных), появившихся в период коронавирусного экстрима, приведены в «Словаре русского языка коронавирусной эпохи»¹⁴: *антиковидность, безмасочность, дистанцированность, ковидарность, ковидность, коронавирусность, коронаанормальность, пандемийность* и др.

4. Хронологический деривативный диссонанс: русский язык метрополии vs русский язык Зарубежья

После 1917 г. русский язык существовал в двух ветвях: русский язык метрополии, для которого характерны бурные языковые сдвиги в сфере лексики, словообразования, и русский язык Зарубежья, где также происходили трансформации, отличные от русского языка в СССР и мотивированные, с одной стороны, сохранением и даже консервацией языка до 1917–1918 гг., с другой — влиянием зарубежной прессы и иноязычных реалий. Сопоставление производных в этих двух разновидностях русского языка демонстрирует столкновение в образовании слова на *-ость* двух факторов: а) морфонологической структуры производного (от прилагательного на *-ский*) и б) номинативной потребности. Языковая причина таких новообразований — обозначение отвлеченного качества от имен прилагательных, значимых для того или иного социума, общественного движения, политически активной группы.

полные тексты центральных и региональных газет и журналов (архивы некоторых изданий начинаются с конца 1980-х гг.), сводки информационных агентств, осуществляющих мониторинг теле- и радиопередач, интернет-СМИ, некоторые блоги в блогосфере (<http://www.integrumworld.com/>).

¹⁴ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / отв. ред. М. Н. Приемышева. СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. 550 с.

¹² Струкова Е. В. Телевизионный новостной сюжет как разновидность медиатекста // Вестник Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2008. Вып. 56. С. 143.

¹³ Для цитирования использовалась база данных Интегрум — электронного архива, содержащего

Формальные морфонологические ограничения, как правило, связаны со стремлением «избежать запрещенных морфонологий сочетаний фонем» [Земская 2011: 190]. В русском языке Зарубежья морфонологические ограничения легко преодолевались. Инновационными примерами словопроизводства на *-ость* в эмигрантском узусе являются лексемы, мотивированные относительными прилагательными с суффиксом *-ск-*: *имперскость*, *российскость*, *руссскость*, *младоросскость* («младороссы» — политическое движение в русском Зарубежье), *антисоветскость*: ...сочетание *младоросскости*, *монархичности* и *иерархической дисциплины* характеризуют (sic!) *младоросса* (Младоросская искра. 1935. № 26. 5 янв.).

Примечательно, что дериваты на *-скость* у эмигрантов формируются примерно с середины 1930-х гг. в среде людей среднего или даже молодого возраста, пересматривающих доктрины «отцов» и взирающих на советскую Россию уже новыми глазами. Таким образом относительные прилагательные, образованные от наименований политических течений, взглядов, идей, начинают приобретать в эмигрантском дискурсе прагматику оценочной качественности, что, в свою очередь, и служит семантическим мотивирующим основанием создания производных на *-скость*.

В русском языке метрополии появление лексем от относительных прилагательных с суффиксом *-ск-* стало фиксироваться исследователями только с начала — середины 1980-х гг. Например, Е. А. Земская, комментируя записанный ею неологизм *свойскость*, отмечала необычность таких новообразований, которые «всегда противостояли сочетаемости с суф. *-ость*» [Земская 1992: 63].

Действительно, с конца 1980-х гг. в русском языке метрополии начинается вулканический взброс производных на *-скость* при обозначении семантически и тематически различающихся реалий, называющих:

1) национально-этнические и психическо-ментальные черты: *руссскость*, *украинскость*, *белорусскость*, *польскость*, *английскость*, *французскость*¹⁵, *американскость* и др.;

¹⁵ Ср. старый окказионализм, образованный от другой основы относительного прилагательного: *Он, Стасов, прав, говоря, что у тебя есть французистость...* (И. Р е п и н. Письмо В. Д. Поленову, 20 янв. 1877 г.) [Сорокин 1965: 208].

2) различные социально-политические институты: *советскость*, *имперскость*;

3) возрастные особенности: *подростковость*, *юношескость*;

4) способность к изобретательности, поиску нового: *творчскость*.

Ср. наблюдение о новшествах в русском языке: «...суффикс *-ость*, свойственный абстрактным именам, применяется при создании отвлеченных имен существительных от корней, прежде не допускавших подобные образования: *руссскость*, *советскость*, *детскость*» [Валгина 2001: 137].

Случай с производными на *-скость* в сфере публицистики в русском языке Зарубежья и в языке метрополии — одна из иллюстраций пронизательного наблюдения Г. О. Винокура, высказанного еще в 1940 г.: «В каждом языке, наряду с употребляющимися в повседневной практике словами, существуют, кроме того, своего рода “потенциальные слова”, т. е. слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность» [Винокур 1991: 327]. Историческая случайность «захотела» и экстралингвистически мотивировала словопроизводство лексем на *-скость* в эмигрантском речевом обиходе уже в 1930-е гг., опередив русский язык метрополии на полвека (подробнее о производных на *-ость* см.: [Зеленин 2007: 83–87]).

5. Отантропонимические производные на *-скость*

Были вовлечены в эту словообразовательную модель в современном русском словопроизводстве и отантропонимические существительные, образованные от фамилий известных личностей, оказавших большое влияние на сферы науки, политики, культуры, благодаря чему ставшие прецедентными, значимыми феноменами в общественном дискурсе. Под морфонологическое ограничение раньше попадали существительные, образованные от прилагательных или антропонимов на *-ский*, такие инновации считались индивидуально-авторскими или потенциальными. Интересно, что окказиональные образования в русском языке известны достаточно давно, однако они находились на периферии словопроизводства: *достоевскость* (*Не знакома, разве, каждому из нас эта «достоевскость», которая так жутко заражает*

кровь, холодит спину, сжимает горло, туманит мозг, до дна потрясает наше в одном мгновении съедает вечность?) (С. Волконский); *маяковскость* (...*Серов раскрыл масштабность и значимость этого сложного произведения [Шебалина], созвучность его замечательному литературному первоисточнику, его «маяковскость»*) (Советская музыка. 1966. № 7. С. 93). В современном языке эта модель явно укрепилась и узуализируется, доминирующие сферы — публицистика, научный дискурс: *чеховскость* (*Нам хотелось бы избежать неудачных неологизмов, однако имеются весомые предпосылки для того, чтобы, аналогично Р. Барту, описать специфику разобранного нами маргинального подхода как «чеховскость»*) (В. С. Зайцев); *путинскость* (*Меж тем, новое партийное образование может и должно стать довольно неплохим ресурсом и для самой «Единой России», которой стратегически удобней противопоставлять себя декларирующим свою «путинскость» «актуальным левым»*) (Русский журнал. 2006. 14 сент.).

Таким образом, формальные морфонологические ограничения постепенно ослабевают в образовании лексем с суффиксом *-ость-*, ведущим критерием становится семантический, коммуникативно значимый аспект. Для новообразований характерны «тенденции сочетаемости—несочетаемости, а не строгие, ненарушаемые законы» [Земская 2011: 206].

Выводы

1. Кандидатская диссертация Н. М. Шанского придала новый импульс изучению суффиксальной системы русского языка в диахронии, представив методику и методологию такого рода исследований на примере анализа суффикса *-ость-*.

2. Исследования особенностей языка XVIII—XIX вв. показывают причины интенсивного пополнения русского лексикона словами с абстрактным значением. Их бурный рост был мотивирован внутриязыковыми факторами (необходимость абстрагированной лексики в разных жанрах и стилях русского языка) и внешними заимствованиями (кальки, появление сочетаемости иноязычных основ с суффиксом *-ость-*).

3. Статистические данные, собранные автором статьи из различных источников, показывают рост таких слов в диахронической перспективе и в современном языковом

пространстве; число дериватов на *-ость* приближается к 4000 единиц (за исключением узких терминов, потенциализмов, поэтических инноваций).

4. Сравнение двух разновидностей русского языка (языка метрополии и языка Зарубежья) позволяет сделать важный вывод о мощном словообразовательно-номинативном импульсе в русском языке Зарубежья в 1930-е гг., инициировавшем появление слов на *-ость* от относительных прилагательных на *-ск(ий)*, относившихся к сфере политики, культурно-языковой идентичности эмигрантов. В русском языке метрополии эта словообразовательная модель на *-скость* оказалась востребованной (в более широком тематическом диапазоне) в конце 1980-х гг.

5. Лингвистические наблюдения последних десятилетий показывают активное появление производных на *-ость* в разных сферах русского языка. Следствием является массивное проникновение дериватов на *-ость* через компьютерно-опосредованную среду в общий язык. Часть их довольно быстро узуализируется в медийном и разговорно-обычном пространстве, часть остается на уровне окказионализмов и потенциализмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 476 с.
2. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
3. Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII — начала XIX в. М.: Наука, 1972. 318 с.
4. Виноградов В. В. О новых исследованиях по истории русского литературного языка // Виноградов В. В. Избранные труды: история русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 237–253.
5. Винокур Г. О. О языке художественной литературы / сост. Т. Г. Винокур; предисл. В. Григорьева. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
6. Горшкова К. В. История славянских числовых парадигм как сложное взаимодействие словоизменения и словообразования. М.: Изд-во МГУ, 1978. 68 с.
7. Даль В. И. Полтора слова о нынешнем русском языке // Москвитянин. 1842. Ч. 1, № 2. С. 532–556.
8. Захарова Ю. Г. Эпистолярное наследие русских писателей как источник изучения

неологии второй половины XIX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. № 18(4). С. 713–735. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.405>.

9. Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939). СПб.: Златоуст, 2007. 380 с.

10. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.

11. Земская Е. А. Современный русский язык: словообразование. М.: Флинта, 2011. 328 с.

12. Левина С. Д. Из наблюдений над наименованиями нетрадиционных сексуальных ориентаций в современном русском языке // Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления). СПб.: Нестор-История, 2015. С. 106–113.

13. Лукичева-Наврость Е. В. Существительные со значением отвлеченного качества в русском языке (на материале имен на *-ость*) // Вестник Вісбебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2005. № 2(36). С. 75–80.

14. Мальцева И., Молотков А., Петрова З. Лексические новообразования в русском языке XVIII века. Л.: Наука, 1975. 372 с.

15. Обнорский С. П. Русский литературный язык старейшей поры: лингвистический анализ памятников древнерусской словесности. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 200 с.

16. Рабиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2010. 328 с.

17. Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90 годы XX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

18. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981. 326 с.

19. Хютль Ворт Г. Роль церковнославянского языка в развитии русского литературного языка. К историческому анализу и классификации славянизмов // American contributions to the Sixth International Congress of Slavists, Prague, 1968, August 7–13. Vol. 1: Linguistic contributions by Henry Kucera. De Gruyter Mouton; Reprint 2018. P. 95–124. <https://doi.org/10.1515/9783111610979-006>.

20. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М.: Наука, 1977. 336 с.

21. Шанский Н. М. К истории некоторых слов на *-ость* // Ученые записки. Рязань: [б. и.], 1949. № 8. С. 143–156.

22. Шанский Н. М. О происхождении и продуктивности суффикса *-ость* в русском языке // Вопросы истории русского языка. М.: МГУ, 1959. С. 104–131.

23. Шучунь Ч. Семантические особенности существительных с суффиксом *-ость* в современном русском литературном языке // Вестник

Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 101–108. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>.

24. Bréal M. Essai de sémantique / introduction de Simone Delesalle, Limoges, & Michel Bréal: Mélanges de mythologie et de linguistique (1882); introduction de Gabriel Bergounioux. Limoges, 2005. 216 p. [стереотип. переизд. 1897.]

25. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniak I., Obrebska-Jabłńska A. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 386 s.

26. Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. (Phil. Diss. FU Berlin.) (Slavist. Veröff. Osteuropa-Inst. Berlin. Bd. 16.). Berlin-Wiesbaden: Harrassowitz i. Komm. 66 s.

27. Worth G. H. Review: Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen: Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts by Miklós Fogarasi // Language. Vol. 42(3), 1:690–694.

REFERENCES

1. Alekseev A. A. Essays and studies on the history of the literary language in Russia. Saint-Petersburg: Petersburg Linguistic Society, 2013. 476 p. (In Russ.)

2. Valgina N. S. Active processes in the modern Russian language: a textbook. Moscow: Logos, 2001. 304 p. (In Russ.)

3. Veselitsky V. V. Abstract vocabulary in the Russian literary language of the 18th–early 19th centuries. Moscow: Science, 1972. 318 p. (In Russ.)

4. Vinogradov V. V. On new research on the history of the Russian literary language. *Izbrannye trudy: istoriya russkogo literaturnogo yazyka = Selected works: the history of the Russian literary language*. Moscow: Science, 1978. P. 237–253. (In Russ.)

5. Vinokur G. O. On the language of fiction / comp. T. G. Vinokur; foreword V. Grigoriev. Moscow: Higher school, 1991. 448 p. (In Russ.)

6. Gorshkova K. V. The history of Slavic numerical paradigms as a complex interaction of inflection and word formation. Moscow: MSU Publ., 1978. 68 p. (In Russ.)

7. Dal V. I. One and a half words about the current Russian language. *Moskvityanin = Muscovite*. 1842;1(2):532–556. (In Russ.)

8. Zakharova Yu. G. The epistolary legacy of Russian writers as a source for the study of neology in the second half of the 19th century. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura = Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021;18(4):713–735. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.405>.

9. Zelenin A. The language of the Russian émigré press (1919–1939). Saint-Petersburg: Zlatoust, 2007. 380 p. (In Russ.)
10. Zemskaya E. A. Word formation as an activity. Moscow: Science, 1992. 221 p. (In Russ.)
11. Zemskaya E. A. Contemporary Russian language: word formation. Moscow: Flinta, 2011. 328 p. (In Russ.)
12. Levina S. D. From observations on the names of non-traditional sexual orientations in modern Russian. *Neologiya i neografiya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy (k 50-letiyu nauchnogo napravleniya) = Neology and neography: current state and prospects (on the 50th anniversary of the scientific direction)*. Saint-Petersburg: Nestor-History, 2015. P. 106–113. (In Russ.)
13. Lukicheva-Navros E. V. Nouns with the meaning of an abstract quality in Russian (on the basis of names with *-ost*). *Vestnik Vitebskaya dzyarzhaynaya yuniversiteta = Bulletin of Vitebsk State University*. 2005;2(36):75–80. (In Russ.)
14. Maltseva I., Molotov A., Petrova Z. Lexical innovations in the Russian language of the 18th century. Leningrad: Science, 1975. 372 p. (In Russ.)
15. Obnorsky S. P. Russian literary language of the oldest age: linguistic analysis of monuments of ancient Russian literature (2nd ed). Moscow: Book house «LIBROKOM», 2010. 200 p. (In Russ.)
16. Radbil T. B. Basics of studying language mentality. Moscow: Flinta: Science, 2010. 328 p. (In Russ.)
17. Sorokin Yu. S. The development of the vocabulary of the Russian literary language in the 30s–90s of the 20th century. Moscow; Leningrad: Science, 1965. 565 p. (In Russ.)
18. Filin F. P. The origins and destiny of the Russian literary language. Moscow: Science, 1981. 326 p. (In Russ.)
19. Hutl Worth G. The role of the Church Slavonic language in the development of the Russian literary language. To historical analysis and classification of Slavisms. *American contributions to the Sixth International Congress of Slavists, Prague, 1968, August 7–13, Vol. 1: Linguistic contributions* / Henry Kucera (ed). De Gruyter Mouton, 2018. P. 95–124 [reprint]. (In Russ.) <https://doi.org/10.1515/9783111610979-006>.
20. Tseitlin R. M. Vocabulary of the Old Slavic language. Moscow: Science, 1977. 336 p. (In Russ.)
21. Shansky N. M. To the history of some words ending in *-ost'*. *Uchenye zapiski = Scientific notes of Ryazan State Pedagogical Institute*. 1949;8:143–156. (In Russ.)
22. Shansky N. M. About the origin and productivity of the suffix *-ost'* in the Russian language. *Vo-prosy istorii russkogo yazyka = Questions of history of the Russian language*. Moscow: Moscow State University, 1959. P. 104–131. (In Russ.)
23. Shuchun Zh. Semantic characteristic of nouns formed with the suffix *-ost'* in the modern Russian literary language. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2020;26(4):101–108. (In Russ.) <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>.
24. Bréal M. Essai de sémantique. Introduction de Simone Delesalle, Limoges, & Michel Bréal: Mélanges de mythologie et de linguistique (1882). Introduction de Gabriel Bergounioux, Limoges, 2005. 216 p. [стереотип. переизд. 1897.] (In French)
25. Indeks a tergo do Materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Srezniewskiego. Dulewiczowa I., Grek-Pabisowa I., Maryniak I., Obrebska-Jablńska A. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. 386 s. (In Pol.)
26. Schumann K. Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. (Phil. Diss. FU Berlin] (Slavist. Veröff. Osteuropa-Inst. Berlin. Bd. 16.). Berlin-Wiesbaden: Harrassowitz i. Komm. 66 s. (In Germ.)
27. Worth G. H. Review: Beiträge zur Geschichte der internationalen Bildungssuffixe des Russischen: Von den Anfängen bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts by Miklós Fogarasi // *Language*. Vol. 42(3), 1:690–694. (In Germ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук

Aleksandr V. Zelenin, Doctor of Science (Philology)

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 22.07.2022.

The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 22.07.2022.